

Е. Суркова, А. Синевич

**ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С α -PRIVATIVUM
В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
ПСЕВДО-ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА
И ИХ СЛАВЯНСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ**

Специфика раннеславянской традиции терминотворчества, нацеленной на “создание славянской терминологической номенклатуры, адекватно выражающей развитые и утонченные понятия византийской учености”, обусловила необходимость выработки ряда повторяющихся приемов образования терминов. Механизм этих общих приемов (например, калькирования, заимствования и др.) подтверждает тот факт, что создатели славянского философско-теологического метаязыка не стремились вводить терминологические инновации, но переносили на славянскую почву имевший тысячелетнюю традицию использования греко-византийский категориально-терминологический аппарат.

Анализ таких терминов представляет собой сложную задачу, поскольку мы не располагаем точными дефинициями подобных слов в обширном корпусе греко-латинской патристики. В такой ситуации определить семантику славянского слова, находящегося в теолого-философском контексте, возможно только исходя из его соотношения со специальными значениями греческого слова. Греческий оригинал представляется единственным ориентиром при определении диффузности либо факта концептуального осмысления при переводе. Вопрос, однако, в том, как найти критерий для такого определения? Во-первых, не всегда возможно признать терминологический статус слова при наличии у последнего общеязыкового значения, принимая во внимание факт отсутствия в предшествующей дохристианской традиции у славян теолого-философского словоупотребления. Во-вторых, не только в славянских переводах богословско-философских текстов и их греческих источниках, но также во всей средневековой книжной культуре основные метафизические понятия, как правило, имели предпосланное значение, определяемое авторитетом церковных дог-

матов, и поэтому возможность их систематического развертывания в христианской традиции оказывается проблематичной. И если понять смысл греческого оригинала возможно, опираясь на опыт многовековой греко-византийской философской традиции, то раннеславянская культура не способна представить подобную точку отсчета. Таким образом, специальное исследование способов передачи множества специфических значений греческих лексем в конкретных славянских текстах (в нашем случае – в тексте трактата «О Божественных именах» Псевдо-Дионисия Ареопагита и его славянском варианте¹) будет способствовать разработке методики, относящейся к эмпирическому уровню прочтения древнего текста.

Мы представим вариант такого прочтения на примере интерпретации отдельных когнитивных терминов, созданных автором Ареопагитик².

Сравнение греческого оригинала и славянского варианта Ареопагитского корпуса представляется особенно ценным, поскольку славянский переводной текст являет собой вариант интерпретации греческого текста сербом-билингвом, способным ощущать "дух и букву" философского дискурса.

Итак, полагая, что даже такие имена, как *Слово*, *дух*, *сущность*, *свет* не достаточны для того, чтобы должным образом описать Пер-

¹ Известно, что славянский Ареопагит появляется только в 1371 г. благодаря трудам афонского монаха сербского происхождения Исаяи и сразу же становится объектом пристального интереса, о чем свидетельствует богатая рукописная традиция Ареопагитик на славянских землях. Представленный в данной работе лексический материал собран из текста рукописи, хранящейся под шифром Ms. sl. 105 в отделе рукописей Национальной библиотеки Франции в Париже).

² Легендарный богослов конца V – начала VI в., выдававший себя за Дионисия Ареопагита, обращенного ко Христу проповедью апостола Павла в афинском ареопаге (Деяния апостолов, 17:34) и ставшего затем первым епископом Афин, в своих четырех трактатах и десяти письмах предпринял попытку ассимилировать идеи неоплатонизма с религиозно-философской системой каппадокийцев, особенно Григория Богослова и Григория Нисского.

вобожество, а отрицательные (апофатические) атрибуты Бога полнее отражают его природу, чем положительные (катафатические), Псевдо-Дионисий создает особую когнитивную терминологию, позволившую расширить лексикон языка богословия. Это достигается за счет введения лексических инноваций, а также активного использования традиционных конструкций с α -privativum³: ἀδύναμος ‘бессильный’, ἄοριστος ‘неопределенный’, ἄορατος ‘невидимый’, ἀλείρος ‘беспредельный’ и др. О значении, которое придавал апофатическим атрибутам Ареопагит, свидетельствует статистика: из 494 словоупотреблений всех дериватов с α -privativum в анализируемом трактате 291 – формы прилагательных.

Как известно, семантический потенциал привативных префиксов чрезвычайно широк. Так, при присоединении к именам существительным привативный префикс придает слову значение отсутствия действия, состояния, бытия, качества, количества и т. п. (ἀμετρία – *взмѣрїе*, ἀυλία – *нєвєцѣствїе*, ἀγνοσία – *нєвѣдѣнїе*). В сочетании с прилагательными не- отрицает наличие определяемого качества (ἀνόητος – *нєразуменъ*). Привативный префикс может также обуславливать противопоставление одного категориального признака другому (вєцѣствѣнный – *нєвєцѣствѣнный*, прѣдѣланный – *нєпрѣдѣланный*). При этом семантика отрицательных номинаций не всегда складывается из суммы значений префикса и бесприставочного слова: ср., ἀπειρονόητος – *вєзразуъмный* не означает буквально ‘без разума’, но используется в значении ‘непостижимый’.

Следует отметить, что значительная часть слов, которые встречаются в Ареопагитиках, остается за пределами существующих словарей древнегреческого языка (ἀπειροδύναμος, ἀπειρόνυμος). При этом авторские инновации представляют собой образования, чаще всего соотносимые с апробированными в древнегреческом языке словообразовательными моделями. Однако следует отметить специфический

³ Славянскими соответствиями этой греческой приставки являются префиксы не-, вєз- (*вєс-*).

характер новообразованных лексем, которые приобретают у Псевдо-Дионисия статус философских терминов.

Например, модель α -privativum + πεῖραρ ‘предел’ + имя представлена в древнегреческих словарях словами, маркированными пометой *поэт.* (ср. ἀπειρόδακρυς ‘беспрерывно льющий слезы’ (Эсх), ἀπειροσύνα ‘неопытность, незнание’ и др., всего ок. 10 лексем и их дериватов) [Дворецкий 1957, I: 190].

В трактате «О Божественных именах» отмечены следующие новообразования:

ἀπειρώνυμος ‘бесконечно-именуемый’ < α -privativum + πεῖραρ ‘предел’ + ὄνομα ‘имя’,

ἀπειροδύναμος ‘безмерно мощный’ < α -privativum + πεῖραρ ‘предел’ + δύναμις ‘сила’,

ἀπειράγαθος ‘беспредельно благой’ < α -privativum + πεῖραρ ‘предел’ + ἀγαθός ‘благой, добрый’,

ἀπειρόδωρος ‘беспредельно дарующий’ < α -privativum + πεῖραρ ‘предел’ + δῶρον ‘дар’.

Сочетание в структуре таких слов отрицательной частицы α - и корневой морфемы πεῖρ- со значением ‘предел’ создает эффект двойного отрицания и придает соответствующим лексемам значение кататических (положительных) дефиниций.

Особый интерес вызывают случаи переосмысления Ареопагитом традиционных элементов древнегреческого апофатического лексикона, которые, как правило, приспосабливаются к лингвофилософской программе трактата, а в семантический объем понятий добавляются «теологические обертоны» (Е.М. Верещагин). Так, отглагольное прилагательное ἄκλητος у древнегреческих авторов (Эсх., Соф., Плут.) употребляется в значении ‘непрощенный, незванный’ [Дворецкий 1957, I: 64]. Псевдо-Дионисий использует эту дефиницию в значении ‘неназываемый’ как атрибут Божественности (ἄκλητος θεότης) в сочетании с идеей многоименности Бога (πολυωνυμία) (DN, 1,8).

К числу таких переосмысленных понятий относится прилагательное ἀνείδεος. В значении ‘бесформенный’ оно использовано Плутархом по отношению к материи (ύλη) [Дворецкий 1957, I: 140]. Знает этот термин и Аристотель, виртуозно владевший искусством различ-

ния понятий, выявления всех значений, какие только может иметь слово. В частности, с прилагательным *ἀνείδους* Аристотель связывает ту характеристику, которую обнаруживает материя, а именно то, что она лишена формы и приемлет всякую форму, что она есть нечто неопределенное и не может быть постигнута посредством понятий.

Ареопагит употребляет эту лексему в значении ‘безвидный, то, что не имеет вида’ (слав. *невидовьный*) – (*DN*, 2.10, 4.3, 4.3, 4.18, 4.28 и др.). Например,

- *εἶδος εδοῖποὺν ἐν τοῖς ἀνείδουσις ὡς εἰδεάρχης, ἀνείδουσις ἐν τοῖς εἶδεσιν ὡς ὑπὲρ εἶδος* ‘вид, творящий виды в том, что не имеет вида, как видоначало; безвидная среди видов как превосходящая вид’ (*DN*, 2.10). В славянском переводе *видъ видотворенъ въ невидовьныхъ, ꙗко видоначально. невидовьно въ видѣ ꙗко паче вида.*

- *τὸ ἀνείδειον εδοῖποιεῖ* ‘безвидному придает вид’ (*DN*, 4.3). Славянский переводчик передает это выражение как *еже невидовьное видотворитъ.*

Лексема *невидовьный* не представлена в памятниках узкого канона, а также как соответствие греческому *ἀνείδους* не встречается в последующей славянской книжно-письменной традиции (во всяком случае, не отражена существующими историческими словарями), хотя положительная форма *видовьный* уже известна со времен составления Шестоднева Иоанном экзархом Болгарским (X в.): *ѡво єсть видовьно, другое дѣйствиѡ (Шест, 203); видовьное по оумоу ꙗкоже соуть соуцства (Шест, 203).*

Хорошо разработанная история лексического гнезда с праславянским корнем **vid-* позволяет проследить общую тенденцию древнего сознания воспринимать зрение как наиболее достоверный канал получения информации и связывать с ним когнитивную деятельность *γνώσις*. Эта деятельность совмещает познание и «рассматривание», что находит свое отражение как в языке, так и в культуре.

В греческом языке практически все глаголы познания (*εἶδω, γινώσκω, ὁράω*) амбивалентны: познанию всегда сопутствует видение, созерцание.

Так, глагол $\nu\omicron\epsilon\omega$ со значениями 1. ‘воспринимать (зрением), замечать’, а также 2. ‘постигать мысленно, представлять себе’ (ср. $\nu\omicron\epsilon\iota\sigma\theta\alpha\iota\ \mu\acute{\epsilon}\nu,\ \delta\acute{\rho}\alpha\sigma\theta\alpha\iota\ \delta'\ \omicron\upsilon$ Plat. ‘постигаться мыслью, но не очами’) [Дворецкий 1958, II: 1136] предопределяет особо углубленную и сосредоточенную работу «разума»- $\nu\omicron\delta\varsigma$, задача которого – проникновение и созерцание того, «что можно знать о Боге» (Рим., 1:19).

На визуальный характер познания- $\gamma\nu\omega\iota\varsigma$, обусловленный этимологически, может указать значение глагола $\gamma\nu\omega\rho\acute{\iota}\varsigma\omega$ ‘узнавать, познавать’, а также ‘зрительно воспринимать что-либо’ [Дворецкий 1958, I: 328].

Греческие глаголы $\gamma\upsilon\nu\acute{\omega}\sigma\kappa\omega$, $\epsilon\acute{\iota}\delta\omega$ и $\delta\acute{\rho}\alpha\omega$ совмещают в себе значения ведения и видения в прямом ($\epsilon\acute{\iota}\delta\omega$) либо переносном употреблении ($\gamma\upsilon\nu\acute{\omega}\sigma\kappa\omega$ и $\delta\acute{\rho}\alpha\omega$) – ср.: $\gamma\upsilon\nu\acute{\omega}\sigma\kappa\omega\ \sigma\epsilon$ Sorph. я понимаю тебя, *т. е.* вижу твои намерения [Дворецкий 1958, I: 324] и $\delta\acute{\rho}\alpha\ \tau\acute{\iota}\ \pi\omicron\iota\epsilon\iota\varsigma!$ Sorph. подумай, что ты делаешь! [там же, II: 1386].

Такое «зрительное» основание гносиса, которое обуславливало вполне естественное совмещение процессов зрительной перцепции и интеллектуального освоения объекта, объясняет факты смещения лексем вѣдѣти – видѣти со значением ‘знать’ и ‘видеть’ в старославянских текстах.

Таким образом, если видовьныи (в значении сущ.: ср., видовьноиѣ по $\omicron\upsilon\mu\omicron\upsilon$ *якоже* $\sigma\omicron\upsilon\tau\acute{\iota}$ $\sigma\omicron\upsilon\tau\acute{\iota}\varsigma\tau\epsilon\upsilon\alpha$) у Иоанна экзарха Болгарского – ‘созерцаемый, постигаемый’ [СлРЯ XI–XVII вв., II: 176], то невидовьныи (в значении сущ. и прил.) у Исайи – ‘безвидный, то, что не имеет вида’ и одновременно ‘несозерцаемый, непостигаемый, непонятный’.

Для того чтобы уточнить значение интересующего нас слова, мы можем проанализировать его парадигматические отношения с другими имеющимися в славянской апофатической номенклатуре словами, образованными от корня вид- (ср. невидимыи, невидѣмыи, невидомыи, обычно передающие греч. $\acute{\alpha}\omicron\rho\alpha\tau\omicron\varsigma$ ‘невидимый’).

невидовьныи – невидимыи (=невидѣмыи):

Образованное от глагола видѣти причастие видимъ в значении прилагательного в памятниках узкого канона соотносится исключительно со зрительной перцепцией как важнейшим каналом познания

(ср.: невидимъ видимъ взыаетъ (*Евх 2а 10*)). При этом невидим может быть, например, доухъ (доухъ самъ себѣ тоже присно имже чинѣетъса безъвремененъ невидимъ), сила (възбрани имъ невидима сила христова), чини бесплотнии (нѣне невидимо прѣстоитъ чини бесплотнии твои (*Евх 84а*)).

Но, например, в книге Бытия (1, 2) невидимый используется в ином значении и соответствует иным греческим лексемам в разных переводных вариантах: земля была невидима, т. е. неустроена, когда первоначальное вещество не имело качества. В переводе этого чтения на греческий у Акилы использовано слово κένωμα 'пустое пространство, пустота'. В переводе Симмаха – ἄρῡός 'праздный, несостоявшийся' и не имеющий правильного очертания. Как видим, в этом контексте звучит тема бесформенности, неупорядоченности материи, уже упоминавшаяся в связи с ἀνείδεος у Плутарха и Аристотеля.

Характер непостижимости невидовыаго можно определить, проанализировав синтагматические связи этой лексемы. Следует отметить, что предпочтительным у Псевдо-Дионисия является сочетание ἀνείδεον с глаголом ποίεω: например, τὸ ἀνείδεον εδοῖποιεῖ 'безвидному придает вид' – еже невидовное видотворитъ; εἶδος εδοῖποῖον ἐν τοῖς ἀνείδεοις 'вид, творящий виды в том, что не имеет вида' – видъ видотворенъ въ невидовныхъ.

Многозначный греческий глагол ποίεω (в словаре Дворецкого у него отмечены 22 семы) вводит ἀνείδεος – невидовный в контекст активного, деятельностного начала, сопровождающего интеллектуальную (познавательную) деятельность. Эта деятельность предусматривает получение знания априорного, умозрительного, не зависящего от опыта и соотносимого с глаголом εἶδω.

Итак, для создания апофатической терминологии Псевдо-Дионисий Ареопагит использует разные словообразовательные средства и их комбинации. Следует отметить, что отрицание, выраженное в слове при помощи отрицательного префикса α -privativum, может иметь различные смысловые оттенки. Это обусловлено соотносённостью слова с другими элементами лексической системы, наличием тематического ряда, словообразовательными возможностями слова, особенностями его функционирования. Приведённые примеры пока-

зывают, что далеко не всегда семантику апофатической номинации можно подвергнуть дихотомическому делению (значение привативного префикса + лексическое значение). А развитие терминологического значения у целого ряда лексем (таких, например, как *невидовъ-ныи* – ἀνείδεος от исходного ‘бесформенный’ (у Плутарха и Аристотеля) к ‘безвидный, то, что не имеет вида’ у Псевдо-Дионисия) необходимо рассматривать в контексте эволюции когнитивных структур, характерных для религиозно-философских течений Античности и Средневековья.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

- DN* – «О божественных именах» // *Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. Тексты, пер. с древнегреч. / Вступ. ст. и пер. Г. М. Прохорова. СПб., 1994.*
- Шест* – «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского // *Aitzetmüller, R. Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. Graz, 1958. – (Editiones monumentorum slavicorum veteris dialecti, I).*
- Дворецкий 1958* – Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2-х т. М., 1958.
- СлРЯ XI–XVII вв., 1988* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 – М.